

Философские основания политики

«Философские науки» продолжают публиковать работы, посвященные проблемам политических наук и их философскому осмыслению. В предыдущей публикации А.А. Декальчук (ФН. 2013. № 8) рассматривался редкий случай – пример прямого воздействия философских идей (Дж. Остина) на развитие конкретной политической теории (безопасности). В публикуемой работе В.Н. Коньшева и А.А. Сергунина анализируется более общий план парадигмальной динамики теории международных отношений под влиянием позитивистской и постпозитивистской методологии наук.

**«ПОСТПОЗИТИВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
И ФИЛОСОФИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

В.Н. КОНЬШЕВ, А.А. СЕРГУНИН

Введение

Ставший уже типичным феномен кризиса общественных наук *fin de siècle* не мог не затронуть и философию мировой политики (ФМП) конца XX в. Считается, что этот кризис был порожден засильем в общественных науках неопозитивистских концепций, особенно структурализма. Многих ученых-обществоведов не устраивали претензии неопозитивизма на роль некой универсальной методологии. Чрезмерное увлечение неопозитивистов эмпирическими исследованиями привело к нагромождению в социальных науках невостребованной фактологии, которая слабо использовалась для построения объясняющих теорий. Когда же неопозитивисты принимались за создание теорий, итогом их деятельности становились или упрощенческие, иногда даже примитивные, концепции или, наоборот, нарочито заумные конструкции.

В результате школы, ориентированные на неопозитивистскую методологию, оказались не в состоянии объяснить бурные общественные процессы, происходившие в конце XX в. Так, традиционные парадигмы ФМП (неореализм, неолиберализм и глобализм) не сумели ни предсказать, ни адекватно объяснить такие эпохальные события, как окончание «холодной войны», крушение социализма, переход от биполярной системы международных отношений к ситуации неопределенности в мировой политике и пр.¹

Реакцией на такое состояние общественных наук стал так называемый постпозитивизм, сначала подвергший тотальной критике все существующие парадигмы (этим занимались его ранние версии — различные «критические» теории, постмодернизм), а затем попытавшийся выдвинуть свои собственные теории (постструктурализм, социальный конструктивизм, постфеминизм, постмарксизм и пр.)²

В задачи данной статьи входит анализ последствий «постпозитивистской революции» (как «скромно» именуют этот феномен сами постпозитивисты) для современной ФМП и нынешнего состояния этой научной дисциплины (с точки зрения как межпарадигмальных дебатов внутри нее, так и той тематики («повестки дня»), которая находится в центре дискуссий).

Гносеология постпозитивизма и ФМП

В философско-мировоззренческом плане спор между неопозитивизмом и постпозитивизмом проходил в форме борьбы между гносеологическими платформами двух антиподов — рационализма и рефлексивизма соответственно. Суть спора сводилась главным образом к вопросу о познаваемости или непознаваемости мира и способности субъекта оставаться объективным в процессе познания³.

В этом смысле постпозитивизму присущ гносеологический пессимизм, тесно связанный с мировоззрением Ф. Ницше о зыбкости традиционных религиозно-философских верований, моральных принципов и научных знаний⁴. Идеи Ф. Ницше развил Р. Рорти, оказавший существенное влияние на постпозитивистов⁵. Он называл иллюзией представления о том, что научные методы ведут к объяснению мира: идеи являются по преимуществу созданием социальных существ, а не презентацией природы как таковой. Традиционная наука не учитывает вовлеченность человека в те социальные процессы, которые он пытается изучать. Любой исследователь исходит из определенных убеждений и предпочтений, его позиция заранее предопределена его личными взглядами, требованиями той социальной группы, к которой он принадлежит, т.е. всегда нормативна. Отсюда постпозитивисты делают вывод, что в науке об обществе накопилось множество ложного знания.

По мнению Р. Рорти, выход нужно искать с помощью новой, «риторической философии», в основу которой положен релятивистский принцип «диалога-беседы»⁶. Его суть заключается в том, что новое знание рождается не в результате взаимодействия познающего субъекта и объекта, а в ходе сопоставления мнений и взглядов индивидов по той или иной проблеме. Очевидно, что в попытке поиска баланса «объективное—субъективное», постпозитивизм впадает в еще больший субъективизм, чем критикуемая им традиционная наука.

Постпозитивисты расходятся со своими оппонентами и в вопросе о познаваемости истины. Так, они отрицают наличие абсолютных

и признают только относительные истины, уравнивая при этом понятия истинности и полезности знания. Отметим, что превращение критерия истинности знания в его полезность, предложенное еще философами-прагматиками конца XIX – начала XX вв. и подхваченное постпозитивистами, приводит к тому, что понятие истинности вообще утрачивается. У постпозитивистов проблема истины сводится к довольно примитивному, и уж точно не новому, тезису о бесконечном множестве субъективных трактовок реальности.

Гносеологические взгляды постпозитивистов непосредственно связаны с так называемым *лингвистическим поворотом* в ФМП, т.е. перенесением методов языкознания в сферу философско-политического анализа. По мнению постпозитивистов, эти методы познания лишены недостатков традиционного позитивизма. Вместо реальной политики теоретический анализ направляется на ее отражение в виде устных и письменных текстов. Особенно важным является понятие дискурса и производного от него дискурсного анализа (анализа текстов)⁷. Понятие дискурса заимствовано из лингвистики, где оно обозначает речевую деятельность с учетом влияния на ее смысл экстралингвистических факторов. Дискурсный анализ описывает содержательные особенности, «отпечаток» социального/индивидуального в речи (например, гендерный дискурс, дискурс региональной идентичности, дискурс того или иного политического лидера)⁸.

Согласно постпозитивизму, в дискурсе создаются смыслы и тем самым «конструируется действительность». Порождение смысла текста происходит непосредственно в акте его восприятия. Но каждый читатель сам способен становиться источником смысла, при этом он как бы налагает собственную схему смыслов на текст, создавая свою интерпретацию, «свой» текст.

Вслед за М. Фуко⁹, для многих постпозитивистов дискурсный анализ стал важнейшим инструментом познания, с помощью которого ведутся поиски тех значений, которые подразумеваются, но часто остаются невысказанными автором текста. Задача исследователя – критически проанализировать (деконструировать) текст, выявить скрытые смыслы, а потом отбросить ложное знание, порожденное субъективизмом автора текста.

Из-за того, что между многими текстами есть явные и неявные содержательные связи, постпозитивисты говорят о постоянно идущем «диалоге» между ними, при этом как бы забывая, что диалог идет в сознании мыслящего субъекта, а не между текстами как таковыми. После этой метафоры о диалоге делается утверждение, что текст вообще есть независимая от автора, самостоятельно существующая открытая система.

Поскольку прочтений текста и производимых смыслов может быть бесконечно много, то представители самого радикального

направления постпозитивизма — постмодернизма — считают, что смысл привносится даже и не мыслящим субъектом, а рождается в «самодвижении языка» (т.е. во все новых текстах). За отрывом текста от познающего субъекта стоит постулат о том, что сознание человека, культура, политические процессы тождественны множеству текстов. Все многообразие проявлений жизни человека — это глобальный гипертекст. Далее постпозитивисты приравнивают речевую деятельность к политическому действию.

По мнению постпозитивистов, индивид, который творит новые смыслы, производит «налагание» нового смысла на любой феномен материальной или духовной действительности, а значит, подчиняет мир этому новому смыслу. Власть рождается из того, что смыслы несут с собой определенную идеологию, воздействующую на других. В итоге личностный импульс определяет все формы социальной и культурной действительности. Тем самым постпозитивизм ведет к иррациональному восприятию действительности, в основе которого лежит волюнтаризм желаний, устремлений и ожиданий от внешнего мира, лишь частично определяемых социальным и культурным опытом индивида.

Основные направления дискуссий

Постпозитивисты (за исключением постмодернистов, которые занимались лишь критикой предшествующих теорий и не создавали собственных концепций) пытались не только бросить вызов традиционной науке в области теории познания, но и предложить свое понимание ключевых категорий и проблем ФМП.

Закономерности развития мировой политики. Большинство версий постпозитивизма отрицало наличие таких закономерностей, пытаясь представить мировую политику как сумму хаотичных действий индивидов, имеющих, как правило, иррациональный характер. В этом смысле постпозитивизм даже еще более радикален, чем ранняя версия политического реализма, который также считал, что международным отношениям присущи хаос и анархия. Однако «ранние» реалисты считали, что хаос в мировой политике возникает не потому, что акторы иррациональны (наоборот, для объяснения их поведения реалисты использовали теорию «рационального выбора»), а потому, что они преследуют свои эгоистические интересы, которые противостоят друг другу и неизбежно порождают конфликт. Характерно, что более поздняя версия реализма — неореализм — уже признает наличие элементов организованности в мировой политике и говорит о системе и структуре международных отношений, которым присущи определенные закономерности развития. Сходную позицию занимает и неолиберализм. А большинство глобалистских школ вообще считает, что развитием человечества управляют некие универсальные и объективные законы, сопротивляться которым бесполезно и вредно.

Любопытно, что те школы постпозитивизма, которые пытаются выдвинуть собственные объясняющие теории, по сути дела, в неявном виде признают наличие закономерностей мировой политики. Так, социальные конструктивисты указывают на тенденцию формирования сложных (многомерных) идентичностей у международных акторов. Пост-феминисты считают, что современный мир «насквозь маскулинизирован» и построен на угнетении женщин, или что женщинам присущи миролюбие и культура ненасилия в большей мере, чем мужчинам.

Пространственно-временные характеристики мировой политики. В постпозитивистских концепциях международных отношений получили довольно широкое распространение идеи детерриторизации и ретерриторизации, которые восходят к работам Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Сюда же примыкает понятие номадизма, «странничества», способного вырваться за пределы государства и суверенитета и разрушающего «императив территории»¹⁰. Эти взгляды связаны с неприятием постпозитивистами униформизма в любых его централистских вариантах и с рассмотрением локальности в качестве противовеса универсалистским принципам мироустройства. Отсюда и популярность концепции глокализации, согласно которой локальное артикулируется во всеобщем, глобальном, не исчезая в нем.

Не менее популярным для постмодерна является и тезис о сжатии пространства-времени также под воздействием глобализации. Этот постулат Д. Харви связывает с небывалым ускорением темпов развития экономики и социальной жизни, свойственным эпохе модерна и максимально сблизившим время между производством и обменом товаров и услуг, в результате чего барьеры пространства были сметены стремительностью времени. Развитие коммуникаций и транснациональных корпораций, закат фордистской системы с ее массовым производством на основе стандартизации и унификации и становление экономики, более гибко учитывающей спрос на основе достижений информатики, привели к тому, что капитал выскользнул из узкого «бутылочного горла» пространства нации-государства¹¹.

Сжатие «времени-пространства» постпозитивисты рассматривают в свете развития киберпространства. У него нет собственно пространственных измерений, поскольку распространение информации происходит практически мгновенно, поэтому разница между «здесь» и «там» утрачивает смысл¹². Также постпозитивизм отвергает механистическое представление о времени как о последовательности отдельных моментов, где нашему сознанию открывается только настоящее, находящееся между прошлым и будущим. «До» и «после» находятся в состоянии сосуществования¹³.

СМИ превратили мир в виртуальную «сборную солянку», и он стал порождать попури из событий, симулякры и их смесь. Все это при-

вело к дальнейшему размыванию определенности понятия «место», к подрыву идей суверенитета и локальной автономии, что постепенно сформировало ситуацию постмодерна. Вначале «место» было заменено пространством, которое, в свою очередь, оказалось вытесненным всеобщей «безместностью». Возникает пейзаж, где отсутствуют границы и точки отсчета, где идентичность теряет свою основу, где создается география, основанная на понятии «нигде»¹⁴. Этим рассуждениям созвучны выводы о том, что на рубеже XXI в. границы не определяют «территориальные пределы легитимности государств и регуляторов трансграничных потоков», что они «отмирают, уступая место другим, поточным, формам организации пространства», а в лучшем случае нуждаются в перекройке.

По мнению Дж. Дер Дериана, наиболее ярким и всепроникающим проявлением глобализации служит виртуализация. Ее власть заключается в том, что, с одной стороны, она овладевает расстоянием и уничтожает различия между «здесь и там», «далеко и близко», фактом и вымыслом; с другой — углубляет пропасть между имущими и неимущими. Необходима «виртуальная теория», объясняющая многие аспекты международной жизни и связанная с борьбой между «исчезающим оригиналом и бесконечно воспроизводимым». Размышляя о проблемах войны и мира в контексте виртуализации, Дж. Дер Дериан задает ироничный вопрос: «Не будет ли хвост виртуозной военной стратегии и виртуальных развлечений вилять собакой демократического выбора и гражданской политики?» Но в этой иронии кроется тревога по поводу того, не приведет ли эта тотальная виртуализация к катастрофе¹⁵.

Проблема акторности в мировой политике. Постпозитивисты считают, что в современных условиях традиционные акторы мировой политики (государства, международные организации, транснациональные корпорации) утрачивают свою эффективность и легитимность и постепенно уступают место неиерархическим сетевым структурам. Это — одновременно положительный и отрицательный процесс. Активизация различных социальных групп в мировой политике, свободно пересекающих национальные границы, кладет конец монополии государств и созданных ими структур в международных отношениях и ведет к созданию глобального гражданского общества, которое, по мнению постпозитивистов, будет способно более эффективно защищать интересы индивидов и указанных групп¹⁶. С другой стороны, сетевые технологии активно используют и антисоциальные структуры — международный терроризм и организованную преступность, что создает угрозу здоровым силам формирующегося глобального гражданского общества. По мнению постпозитивистов, вокруг этой дихотомии и будет складываться «повестка дня» мировой политики в обозримом будущем.

При всем том, что постпозитивисты (и не только они) справедливо ставят вопрос об изменении состава и характера международных акторов, а также «соотношения сил» между ними, они слишком спешат «похоронить» государство как самый влиятельный субъект мировой политики и слишком преувеличивают степень зрелости глобального гражданского общества, которое находится лишь в зачаточном состоянии, а также его потенциальную способность эффективно отвечать на вызовы эпохи глобализации (когда и если это общество все-таки сложится).

Идентичность. Постпозитивисты стремятся заменить критикуемые ими традиционные понятия ФМП (национальные интересы, национально-государственный суверенитет, гражданство и пр.) еще более спорным понятием идентичности. Без сомнения, попытки ввести социолого-антропологические подходы в ФМП могли бы быть продуктивными. Однако постпозитивисты вкладывают в понятие идентичности содержание, зависящее от стереотипов восприятия «я» и «другого», которые сформировались в данный момент в конкретном обществе, что вряд ли приемлемо для исследователей, базирующихся на научном подходе. По существу, идентичность в трактовке постпозитивистов является категорией социальной психологии, и именно в такой интерпретации эту категорию постпозитивисты пытаются «имплантировать» в ФМП.

Если учесть, что постпозитивисты предлагают сделать идентичность центральной категорией анализа, заменяющей понятия безопасности и национальных интересов, то такой путь означает неоправданную подмену предмета исследований одной науки предметом другой.

Да и само понятие идентичности еще более расплывчато и неопределенно, чем критикуемые постпозитивистами понятия национальных интересов, суверенитета и гражданства. Ведь один и тот же субъект политики может иметь множество идентичностей, причем некоторые из них могут противоречить друг другу, создавая неразрешимый внутренний конфликт. Вторая составляющая идентичности — восприятие «я» другими субъектами политики — еще больше усложняет ситуацию. Получается, что содержание идентичности данного народа/государства зависит от мнения других участников политики (народов, государств). Но о какой суверенной политике данного народа/государства тогда может идти речь?

Более того, понятие идентичности подразумевает неизбежность конфликтных отношений с другими субъектами политики, определяя «я» и «другой» как противопоставленное и враждебное на внутри- и внешнеполитическом уровне. По странной иронии судьбы постпозитивисты строят концепцию идентичности, опираясь на праворадикальные идеи о природе политического К. Шмитта, высказанные

еще в 1920-х гг. Но тогда несовпадение идентичностей двух народов и нежелание одного из них поменять свою идентичность служит для постпозитивиста «естественным» объяснением насилия в международных отношениях. А ведь именно за априорную конфликтность в понимании природы международных отношений постпозитивисты давно критикуют реалистическую традицию.

Международная безопасность. Наиболее ярко «лингвистический поворот» и стремление рассматривать мировую политику через призму идентичности проявился в трудах «копенгагенской школы международных отношений», основанной Б. Бузаном и О. Вэвером в конце 1980-х-начале 1990-х гг. В предложенной ими теории секьюритизации (*securitization*) безопасность онтологически рассматривается только как результат дискурса (совокупность текстов), который выражает степень осознания обществом угрозы. Угроза возникает не потому, что таково реальное положение дел, а потому, что так положение представлено в дискурсе. Причем каждая данная угроза попадает в фокус внимания аналитика только тогда, когда она воспринимается как угрожающая существованию общества (экзистенциальная угроза)¹⁷. Примечательно, в каком объеме берется далее дискурс: его участники должны иметь политический авторитет и влияние в данном обществе. Фактически речь идет о научной и политической элите, для которой подобрали термин «эпистемологическое сообщество». Таким образом, проблема безопасности сводится к тому, как о ней рассуждают представители элиты.

На фоне теоретико-методологической ограниченности постпозитивизма его «критический пыл» в отношении «канонических» парадигм ФМП нередко принимал форму негативизма в духе гегелевской «дурной бесконечности». Например, критика радикальными течениями постпозитивизма государствоцентричной модели международной системы не привела к созданию альтернативных теорий, которые бы удовлетворительно объясняли многие явления международной жизни. Так, если применить антиэтатистский подход постпозитивистов к изучению проблем международной безопасности, то получится, что безопасность может быть достигнута, только если субъектами политики станут просто люди, лишенные гражданства¹⁸. Другими словами, когда государство окончательно перестанет существовать. Речь, таким образом, идет о замене референта безопасности с государства на личность (или социальную группу).

В связи с этим возникает вопрос, кто и как будет примирять несовпадающие идентичности в этом гипотетическом мире, состоящем из аморфных сообществ «робинзонов»? Не есть ли это поистине фантастическая перспектива вернуться к «естественному состоянию» общества, о котором писали еще европейские философы XVII – XVIII вв.? И не лучше ли пойти по пути поиска гармонизации инте-

ресов государства, общества и личности в сфере безопасности, чем делать вид, что проблема сама собой исчезнет, если «вывести государство за скобки»? Не рано ли полностью сбрасывать со счетов само государство как политический институт, выполняющий полезные общественные функции?

Заключение

Оценивая последствия «постпозитивистской революции» для ФМП, отметим, что они, в основном, имели деструктивный характер. По сути дела, постпозитивизмом была предпринята массированная атака на сами основы обществознания и научного знания как такового, попытка заменить научные методы иррационализмом и интуитивизмом. В ФМП были привнесены псевдодискуссии по псевдоважным вопросам, которые отвлекли внимание академического сообщества от изучения действительно насущных проблем мировой политики.

Вместе с тем было бы ошибкой видеть только негативные стороны в «постпозитивистской революции». Она привнесла в ФМП новый импульс к дальнейшему развитию. Это выразилось в критическом осмыслении приверженцами всех парадигм ФМП проблем закономерностей и пространственно-временных характеристик в мировой политике, роли государства, эволюции таких базовых категорий ФМП, как суверенитет, национальные интересы, безопасность, роль личности в политике и пр. Постпозитивизм с его диалоговым принципом подвиг традиционные парадигмы к преодолению конфронтационного мышления, которое особенно характерно для неореализма, а также некоторых направлений неолиберализма. Постпозитивизм оказал определенное влияние на формирование более широкого восприятия движущих сил и акторов мировой политики, усилил интерес к этической составляющей мирового политического процесса и перспективам становления глобального гражданского общества и глобального управления. Постпозитивисты также заставили своих оппонентов более ответственно относиться к написанию научных текстов. Это коснулось уточнения терминологии, отхода от описательности и перехода к доказательности, более четкой аргументации и логики в рассуждениях. Весьма важно, что постпозитивисты заставили все три «классические» парадигмы критически пересматривать и совершенствовать собственную методологию.

Современная эпоха демонстрирует исключительно динамичный характер ФМП. Свойственная ей, как и любой другой социальной дисциплине, рефлексия, стремление к критическому пересмотру возникающих концептуальных построений продолжает оставаться одним из выражений ее неисчерпанного творческого потенциала. Позитивистские парадигмы как традиционных, так и постпозитивистской исследовательских парадигм меняются в ответ на новые вызовы вре-

мени, диктуемые процессами серьезной трансформации отношений, которые происходят после окончания «холодной войны».

Пока трудно точно определить, что будет находиться в фокусе будущих дискуссий в ФМП. Можно лишь предположить, что эти дискуссии продолжатся по таким «вечным» вопросам, на которые до сих пор не даны адекватные ответы, как состав и характер международных акторов, роль силы в международных отношениях, роль и место государства, международных права и организаций в современной мировой политике, выбор конкретной модели мирового порядка и пр. Несомненно, что в фокусе исследований окажутся и проблемы, возникшие на современном этапе развития человечества: выбор социальной модели развития на фоне кризиса существующих, глобализация и глобальное управление, уточнение понятия безопасности и ее операционных моделей, роль экономического, экологического и морально-этического факторов в мировой политике, проблема субъективного и объективного в методологии ФМП и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О кризисных явлениях в современной ФМП см. подробнее: *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис (Политические исследования). 2013. № 2. С. 66 – 78.

² Подробнее о постпозитивизме в социальных науках см.: *Макарычев А.С., Сергунин А.А.* Постмодернизм и западная общественная наука // Социально-политический журнал. 1996. № 3. С. 151 – 168.

³ См.: *Kratochwill F., Ruggie J.G.* International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization. 1986. Vol. 4. № 4.

⁴ См.: *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // *Ницше Ф.* Сборник трудов. – Минск: Харвест, 2005.

⁵ См.: *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. – Oxford: Blackwell, 1980. – P. 365 – 367.

⁶ См.: *Oakeshott M.* The Role of Poetry in the Conversation of Mankind // Rationalism in Politics and Other Essays. – London: Methuen, 1962.

⁷ См., например: *Torfinn J.* Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challengers // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance/ ed. by Howard D., Torfinn J. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005.

⁸ Ibid.

⁹ См.: *Фуко М.* Археология знания. – СПб.: Университетская книга, 2004.

¹⁰ См.: *Devetak R.* Postmodernism // *Burchill S., Linklater A., Devetak R., Paterson M., Reus-Smit C., True J.* Theories of International Relations / 3rd ed. 2005. P. 182.

¹¹ См.: *Harvey D.* Time Space Compression. – URL: <http://www.it.stlawu.edu/~pomo/mike/timespac.html>

¹² См.: *Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском зазеркалье // Полития. 2006. № 4. С. 136 – 161. – URL: <http://viperson.ru/data...stmodernistskii-analizso.doc>

¹³ См.: *Летов О.В.* Проблема научной объективности. От постпозитивизма к постмодернизму. – М., 2010. С. 172 – 173.

¹⁴ См.: *Harvey D.* Time Space Compression.

¹⁵ См.: *Der Derian J.* Virtuous War/Virtual Theory // Theory of International Relations. Vol. IV. Contemporary Reflexive Approaches in International Relations / ed. by S. Chan and C. Moore. Sage Publications. – L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2006. P. 217, 227.

¹⁶ См.: *Lipschutz R.* Reconstructing World Politics: The Emergence of Global Civil Society // Millennium. 1992. Vol. 21. № 3. P. 407.

¹⁷ См.: *Buzan B., Wæver O., Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. – L.: Lynne Rienner Publishers, 1998.

¹⁸ См.: *Walker R.B.J.* One World, Many Worlds: Struggles for a Just World Peace. – Boulder (CO): Lynne Rienner Publishers, 1988.

Аннотация

В статье анализируется современный этап развития философии мировой политики. В частности рассматриваются дискуссии традиционных парадигм философии мировой политики с постпозитивизмом и последствия так называемой «постпозитивистской революции» для этой научной дисциплины. Очерчивается также круг вопросов, которые составят предмет споров между различными направлениями философии мировой политики в обозримом будущем.

Ключевые слова: философия мировой политики, «постпозитивистская революция».

Summary

This article aims at analysis of the contemporary phase of development of the philosophy of world politics. Particularly, it examines the discussions between traditional paradigms of the philosophy of world politics and post-positivism as well as the implications of the so-called «post-positivist revolution» for this academic discipline. The research agenda which will be a subject of debates between various schools in the philosophy of world politics in the foreseeable future is outlined.

Keywords: philosophy of world politics, «post-positivist revolution».